

УДК 9(470) «18»

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ КОРПУСА ВОЕННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877–1878 ГОДОВ

С. А. Кочуков

Саратовский государственный университета
E-mail: kochukovsa@mail.ru

В статье рассматривается процесс формирования корпуса военных корреспондентов в период Восточного кризиса середины 70-х гг. XIX века. Разбираются взгляды русских корреспондентов на причины и ход Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., также проводятся исторические параллели между Россией и странами Балканского полуострова.

Ключевые слова: военные корреспонденты, Восточный вопрос, дискуссия, Военное министерство, русская армия.

**To a Question of Formation of the Case of War
Correspondents in Russian-Turkish War 1877–1878**

S. A. Kochukov

In article process of formation of the case of military men correspondents in East crisis of the middle of 70th of XIX-century is considered sights of Russian correspondents at the reasons and a course of Russian–Turkish war 1877–1878 as parallels in history between Russia and Balkan States are spent Understand.

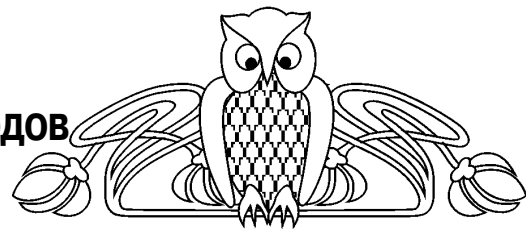
Key words: war correspondents, East question, discussion, Ministry of Defence, Russian army.

В истории XIX в. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. занимает особое место и является одним из важнейших событий, оказавших влияние на исторические судьбы ряда европейских народов. Эта война была не единственным столкновением Российской и Османской империй и далеко не единственным примером тех жестоких дипломатических игр, которые прикрывались идеями мира, а на деле, пытаясь обеспечить себе мировое господство, вели европейские державы против то ли союзника, то ли противника – России, страны непонятной и непредсказуемой.

Роль Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. проявилась в том, что был нанесен серьезный удар по господствовавшему и в Европе, и в России имперскому сознанию.

Именно благодаря наличию имперского сознания и его господству в умах Османская империя могла держать в повиновении страны чуждой ей культуры. Но абсолютно так же вели себя и крупные европейские державы, претендовавшие на господство в разных регионах.

Вспышка национального самосознания на Балканах была не случайна и заставила большинство европейских государств смотреть на ситуацию глазами граждан не метрополии, а колоний. Безусловно, все формы общественного протеста

и сочувствия угнетенным «славянским братьям» в России – Славянские комитеты, различные благотворительные общества, выступления в прессе – были порождены именно этим внезапным новым взглядом. Неслучайно именно в это время Россия решает помочь «православным братьям» в их борьбе против поработителей. Общественный подъем был подогрет публикациями, выступлениями военных корреспондентов и общественных деятелей разного толка, большинство из которых называло войну и национально-освободительное движение на Балканах справедливыми и необходимыми. Мощное средство в общественно-политической борьбе – слово – формировало сознание и влияло на создание поведенческих моделей. Яркие обличительные и в чем-то новаторские статьи русских журналистов, появившиеся в прессе накануне и во время войны с Турцией, несомненно способствовали формированию определенной позиции по отношению к событиям на Балканах. Большая часть русского общества, соприкасающаяся с печатным словом, восприняла помощь единоверцам как обязательный, непреложный факт, дающий смысл существованию долга христианина и гражданина.

В отечественной и мировой историографии, несмотря на то что события на Балканском полуострове были представлены достаточно подробно, нет ни одной полномасштабной работы, где рассматривалась бы деятельность корреспондентов в процессе событий 1877–1878 годов. Если дореволюционные исследования были представлены лишь работой Владимира Александровича Апушкина¹, про которого говорили, что «Апушкин – лучшее, что есть среди военных...»², то в советское время проблема разбора деятельности корреспондентов на фронтах Русско-турецкой кампании 1877–1878 гг. ограничилась лишь небольшой обзорной статьей О. А. Яковлева³ и двумя диссертационными исследованиями⁴. Эти работы грешат одним существенным недостатком, – во всех исследованиях рассматриваются одни и те же представители корреспондентской братии: В. И. Немирович-Данченко, Н. В. Максимов и В. В. Крестовский. Тем не менее круг «газетчиков» на театре военных действий был достаточно широк, и каждый по-своему видел «ужасы войны» и также по-своему старался представить «природу» очередного Балканского кризиса.

Главный вопрос, который возникает при рассмотрении данной проблемы, – это насколько

корреспонденты были необходимы и нужны ли они вообще? В статье Яковлева русские газетчики появляются как само собой разумеющееся, как дань времени, из ниоткуда⁵. Тем не менее не нужно забывать, что русская армия в 1877–1878 гг. была все же иной, нежели в Крымскую кампанию 1854–1856 годов. Конечно, это не была армия нового типа, как настаивает в своей работе Апушкин, «армия молодая, всесловная; крепче, живее чувствовавшая узы родства с народом»⁶. Как это ни странно, вооруженные силы Российской империи, участвовавшие в кампании 1877–1878 гг., незначительно изменились по сравнению с войной 1854–1856 годов. Дело в том, что знаменитые милютинские реформы просто не успели дать каких-либо позитивных результатов. Доказательством последнего служит ситуация под Плевной, Шипкой или хотя бы Баязетом, где налицо были те же проблемы, что и во времена Крымской войны: плохая организация войск, проблемы с комплектованием, мобильностью частей, определенный конфликт между офицерством и «пушечным мясом» – солдатами. Вывод в данном случае налицо: в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. принимала участие и победила именно армия Николаевской эпохи.

Безусловно, просто отмахнуться и не принимать во внимание изменений, которые внес в русскую армию военный министр Д. А. Милютин, просто нельзя. Вооруженные силы Российской империи стали более открыты обществу и уже не представляли собой некую закрытую касту посвященных. Доказательством этого и служит как раз появление в частях представителей русских газет. Также не нужно забывать, что в 70-х гг. XIX в. значительно возрос интерес русского общества к печатному слову. И Русско-турецкая война 1877–1878 гг. пришлась ко двору, когда «значение печати, как органа единственно способного объединить народ и армию в дни общего государственного дела, в дни войны, сознание, чем быстрее, вернее и подробнее освещаются военные события, тем живее и непосредственной связь народа с армией...»⁷.

Корпус военных корреспондентов появился в России сравнительно поздно. Если в Англии «лица, состоящие при войсках во время военных действий и крупных войсковых маневров мирного времени для осведомления общества о ходе их через посредство печати» впервые появились в 1808 г.⁸, то в Российской империи значительно позднее. Лишь в 1815 г. в газете «Русский Инвалид» стали помещаться небольшие заметки о «радостных успехах» союзников в борьбе против Наполеона⁹. Военным корреспондентом-любителем можно считать А. С. Пушкина. Испросив разрешения у командующего русской армией гр. И. Ф. Паскевича, Александр Сергеевич во время Русско-турецкой войны 1829 г. присоединился к боевым частям в районе крепости Карс. Великому русскому поэту «любопытно было взглянуть

на театр войны и на места, которые могли подать материал для сочинений»¹⁰. Результатом этой поездки стало произведение «Путешествие в Арзерум во время похода 1829 г.»¹¹, являющееся первым сборником военных корреспонденций. Крымская война 1854–1856 гг. не принесла каких-то серьезных изменений в формировании самой профессии военных корреспондентов. Проблема заключалась в том, что русские газетчики не могли в силу законов присутствовать на театре военных действий. Представителей русской прессы могли просто объявить шпионами и отправить в штаб действующей армии для разбора дела со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами. Поэтому непосредственно русскую корреспондентскую братию представлял лишь журналист Н. В. Берг, которого П. Д. Боборыкин назвал человеком «всегда склонного к поездкам, к впечатлениям войны, ко всему чрезвычайному, живописному и картинному»¹². Николай Васильевич был участником обороны Севастополя, состоял при штабе главнокомандующего в должности переводчика и участвовал в сражении на Черной речке. Все свои наблюдения и впечатления Берг отправлял в литературно-научный журнал «Москвитянин», который издавал М. П. Погодин. Уже после окончания войны корреспонденции Николая Васильевича Берга вышли отдельными изданиями¹³.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. – это первое военное событие, где русская пресса имела своих аккредитованных представителей. Что же являлось первопричиной появления русских журналистов в действующей армии? Вопрос дискуссионный. Если в обобщающих работах по войне 1877–1878 гг. Н. И. Беляева¹⁴, И. И. Ростунова¹⁵, В. А. Золотарева¹⁶ данная проблема обойдена, то в статье О. А. Яковлева указывается, что инициатором допуска русских корреспондентов на фронт был полковник М. А. Газенкампф¹⁷, который служил в штабе Действующей армии и был близок к главнокомандующему вел. кн. Николаю Николаевичу Старшему. Свои выводы исследователь базирует на дневниковых записях самого Михаила Александровича Газенкампфа. Действительно, в «Дневнике» полковника указывается, что он предложил присутствовать русским корреспондентам в армии «по просьбам редакторов и издателей газет»¹⁸. Однако никаких других свидетельств Яковлев в своей статье так и не привел, а основывать свои выводы, опираясь лишь на слова Газенкампфа, было более чем легкомысленно. Автор статьи не отвергает роль общественного мнения, которое, безусловно, влияло на принятие тех или других решений¹⁹, но забывает о роли и, главное, влиянии авторитетной иностранной печати. Дело в том, что руководство русской армии сделало совершенно правильные выводы из Крымской войны 1854–1856 гг., когда Россия не только была побеждена на фронте, но и потерпела поражение в «газетных» сражениях. Остаться опять в «газетной блокаде» правящая

и армейская элита не хотела, и появление русских корреспондентов на фронте в первую очередь можно рассматривать как демарш русской внешней политики. Совершенно понятно, что война будет идти не только на Балканском и Кавказском фронтах, но и на страницах периодической печати. Роль солдат, только на газетных полосах, и должны были сыграть представители русской прессы. Доказательством этого может служить тот факт, что русский корпус военных корреспондентов начинает формироваться сразу же как только представителям иностранных газет и журналов разрешают присутствовать в армии²⁰.

Кроме того, штаб действующей армии всеми силами старался взять под контроль действия русских корреспондентов. И дело не только в том, что последние могли распространять непроверенную информацию и тем самым вводить в заблуждение русское общество, «если и не будут (корреспонденты. – С. К.) допущены в армию, все же найдут возможность следить за ней издали и сообщать о ней слухи, вместо достоверных сведений»²¹, но и бесконтрольность со стороны русского командования могла привести к открытому шпионажу газетчиков.

Результатом переговоров явился приказ, предписывающий полковнику М. А. Газенкампу выработать основания для допуска корреспондентов в армию, причем не только одних иностранцев. Были разработаны специальные рекомендации, которые были адресованы будущим корреспондентам. Они состояли из четырех пунктов:

а) не сообщать никаких сведений о расположении и численности войск, а равно никаких предположений относительно предстоящих действий под угрозой высылки из армии;

б) доставлять лицу, на которое будет возложена обязанность следить за содержанием корреспонденций, все номера газет, в которых они будут напечатаны;

в) о каждой перемене своего местопребывания доносить записками в штаб армии;

г) иметь на левом рукаве особый наружный знак – крупную бляху из листовой меди с орлом, номером, надписью «корреспондент» и печатью полевого комендантского управления армии, – а также иметь всегда при себе фотографический портрет, на оборотной стороне которого, за печатью того же комендантского управления, должно было быть удостоверение личности корреспондента²².

В статье Апушкина, посвященной военным корреспондентам, отмечалось, что данные требования являлись обязательными только для русских корреспондентов, для иностранных никакого ограничения не существовало²³. На самом деле эти «рекомендации» были обязательны для всех. В частности, корреспондент газеты «Daily News» Мак-Гахан заявлял, что с него брали честное слово о неразглашении военной тайны, в которую он в силу обстоятельств будет посвящен²⁴. На ино-

странцев также были наложены определенные ограничения вплоть до высылки из армии, как, например, корреспондентов газеты «Daily Telegraph»²⁵. В. Крестовский прямо указывал, что «всем начальствующим лицам предписано следить за корреспондентами и, в случае каких-либо подозрительных действий и сношений, а тем более в случае попыток перебраться на неприятельскую сторону, препровождать их в штаб армии...»²⁶. Тем не менее эти «драконовские правила» выполнялись не всегда. В. И. Немирович-Данченко по этому поводу писал: «Корреспондент пока особенно ничем не стеснен, его даже не направляют. Ему запрещено только сообщать о числе и месте нахождения войск, о движениях их (в большинстве корреспонденций и это требование нарушалось. – С. К.) и о намерениях властей...»²⁷. Сам Газенкампф называл эти правила не иначе как «умеренные».

Тем не менее несмотря на различные оговорки и ограничения, русское общество восприняло решение об отправке представителей русской прессы в войска восторженно. Григорий Константинович Градовский, будущий корреспондент газеты «Голос», отмечал: «В первый раз русская печать получила возможность иметь своих корреспондентов на театре войны. Это – глаза и уши общества, и отчасти и всего государства. Чем быстрее и подробнее освещаются события, тем живее и непосредственнее поддерживаются связи народа с армией, тем шире и глубже проявляются патриотические чувства и тем лучше уход за ранеными, тем обеспеченнее участь инвалидов ... тем более растет число приверженцев хорошего мира и плодотворного внутреннего развития для упрочения общего порядка и благоденствия»²⁸. Автор многочисленных корреспонденций о войне 1877–1878 гг., автор книги «Две войны» Николай Васильевич Максимов также полагал, что посылка в войска «специалистов печатного слова» просто необходима²⁹. Иллюстратор и военный корреспондент Николай Николаевич Каразин рассчитывал, что русская печать, «дорвавшаяся» до войны, себя покажет³⁰.

К началу июля 1877 г. корреспондентский корпус в России был создан. Определить общее число русских военных корреспондентов достаточно трудно. Дело в том, что в официальных документах штаба Действующей армии нет точных сведений о количестве аккредитованных представителей русской прессы, если не считать Альбома главной квартиры, но этот документ далеко не полный, так как прибывавшие в армию газетчики просто игнорировали представить свою фотографию в штаб. Да и штабные офицеры, вероятнее всего, спустя рукава относились к своим обязанностям. В статье, посвященной военным корреспондентам, исследователь Яковлев называет цифру в 98 человек³¹, ссылаясь на корреспонденции Немировича-Данченко. Корреспондент Максимов дает характеристику 58 представите-

лям русской прессы³². Сравнивая материалы из различных источников³³, можно приблизительно установить общее число корреспондентов – 36 человек³⁴. Неразбериха с цифровыми данными заключается в том, что Немирович-Данченко, Мак-Гахан, Крестовский и др. считали одних и тех же газетчиков по несколько раз. Определенную путаницу вносит тот факт, что корреспонденты писали свои материалы сразу в несколько периодических изданий, кроме того, этим не гнушались и представители иностранной прессы. Например, Мак-Гахан писал, помимо газеты «Daily News», еще и в «Голос», а Максимов передавал свои материалы в «St.-Petersburger-Zeitung»³⁵.

Не менее важным был вопрос и о профессионализме будущих «летописцев» войны с Турцией. Главное, чего не хватало русским корреспондентам, – это школы военного корреспондента как такового. Описательная сторона дела доминировала над анализом действий. Газетчики описывали лишь сугубо батальные сцены, за которыми было не видно людей, да и самого положения армий на Балканах или Кавказе. В результате интерес к таким материалам был невысок. Особенно этим отличались заметки в «Летучем военным листке»³⁶, где публиковались материалы и приказы из рассекреченных документов действующей армии, а также корреспонденции кн. Л. В. Шаховского³⁷. В этой связи можно согласиться с историком Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В. А. Золотаревым, который считает, что в книге Шаховского нет ни серьезного анализа боевых действий, ни сколько-нибудь примечательных наблюдений³⁸. Все эти материалы похожи лишь на скупые сводки с фронтов: количество убитых и раненых, формальные сведения о подвигах, отсутствие личностного начала, сухой пересказ приказов. Многие русские корреспонденты просто не могли изложить своих мыслей и были лишены дара слова. По свидетельству современников, все тот же князь Шаховской «не был ни оратором, ни писателем, а только иногда восторженным глашатаем какой-нибудь истины»³⁹, что он не преминул представить в своих путевых заметках. Из этого можно сделать вывод, что в число газетчиков на Балканах и Кавказе попадали люди попросту не подготовленные для бивачной жизни. Если западноевропейские корреспонденты набирались опыта и во время франко-испанского конфликта, и в ходе Крымской войны, то русским приходилось постигать трудности данной профессии с «чистого листа», делая иногда непростительные и грубые ошибки⁴⁰, что особенно проявилось при взятии крепости Плевна.

Кроме того, не последнюю роль играло несколько искаженное понимание общественным мнением самой войны. С одной стороны, эйфория помочь своим братьям по вере и начать «Божьей милостью войну за идею»⁴¹. С другой стороны, слухи об ужасах войны, которые отпугивали газетчиков. Например, корреспондента Максимова

буквально запугивали, когда тот отправлялся на Балканы: «Когда я ехал в армию, публика говорила мне: “куда вы едете?.. ворочайте назад!.. советую”»⁴². Поэтому еще до прибытия к месту назначения у представителей прессы складывалось несколько искаженное видение ситуации на фронте. Тот же Максимов пишет в своих корреспонденциях настоящее воззвание к своим коллегам: «Русские корреспонденты! Вот наше горе. Увы! Русский писатель наших дней совсем особенный человек, и судьба и деятельность этого человека до такой степени несчастны, что одно воспоминание об условиях этой деятельности может отравить весь организм, как отравляют здорового человека миазмы тифозной горячки, парящие в окружающем воздухе»⁴³. Подобные заявления, конечно, не могли не оказать определенного воздействия на потенциальных представителей средств массовой информации в России.

Другим крупным недостатком русской прессы являлась их статичность. Вместо того чтобы искать интересные факты или события и торопиться поделиться этим с читателем своих газет и журналов, отечественный корреспондент ждал, пока ему преподнесут какие-либо сведения, а потому он воодушевлялся, когда попадал на что-нибудь крупное, и рисовал блестящую картину, а затем погружался снова в обыденную жизнь, жалуясь, что ничего не происходит, и молчал по целым неделям⁴⁴. Это объясняется отчасти тем, что представители иностранной прессы находились непосредственно на передовой, тогда как русским корреспондентам приходилось находиться во второй линии войск или непосредственно в тылу.

Важной проблемой является вопрос: а кто же такие русские военные корреспонденты? По сути, это представители четырех течений.

Первое. Это так называемые люди долга, которые отправились на театр военных действий, повинувшись приказу своего начальства, к ним в первую очередь можно отнести корреспондентов из чисто военной среды: А. К. Пузыревского, А. Н. Куропаткина, Н. В. Каульбарса. Эти люди, повинувшись приказу своего армейского начальства, приобщились к корреспондентской братии и сотрудничали с военными периодическими изданиями, например «Русским Инвалидом». Для них армейская жизнь и опасности были делом естественным. Кроме того, они сами не считали себя профессиональными журналистами, относясь к себе критически, что делает их материалы более ценными, нежели «выверенные и вышколенные» материалы «московских или петербургских газетных писак». Например, А. Н. Куропаткин прямо заявлял, что его заметки «не имеют ни системы, ни общей связи и должны представлять сырой материал, из которого со временем можно будет сделать несколько выводов»⁴⁵.

Второе. Это наиболее многочисленная категория так называемых патриотов своего Отечества – профессиональные журналисты А. С. Суворин,

Н. В. Максимов, В. И. Немирович-Данченко, В. Крестовский. Однако несмотря на то, что их корреспонденции были самыми полными, более динамичными и, главное, ориентированными на массового читателя, они имели ряд существенных недостатков, прежде всего похожесть корреспонденций друг на друга. Складывается такое впечатление, что Немирович-Данченко, Максимов, Крестовский писали свои материалы по одному плану. Например, вначале давалась характеристика обстановки на Балканском полуострове незадолго до 1877 г., красочно описывались события Сербско-турецкой войны 1876 г., ужасы угнетения славянских народов, подчеркивались исторические связи России, Болгарии, Сербии. Потом давалась характеристика русских корреспондентов с неизменным включением «правил Газенкампа», причем каждый из корреспондентов считал своим долгом заявить о лояльности военного начальства к корреспондентской братии и отсутствию цензуры и всякой слежки как таковой⁴⁶. Неизменно осуждалась интендантская часть армии. И, наконец, описание подвигов при Шипке, Плевне, с небольшой критикой нерасторопности русского командования.

Третье. Это категория так называемых лишних людей, которые в силу обстоятельств должны были покинуть Россию, временно приобщившись к корреспондентской братии. Наиболее ярким представителем этой категории являлся Г. К. Градовский. Начало Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. совпало с его личным несчастьем. Дело в том, что Градовский в 70-х гг. XIX в. издавал газету «Русское обозрение», но после трех официальных предупреждений цензоров выход данного периодического издания был приостановлен на шесть месяцев⁴⁷. Позже Григорий Константинович вспоминал: «Обезоруженный, приговоренный к молчанию и бездействию в то горячее время, когда не только публицист, но и всякий мыслящий человек жаждет печатного слова и обмена мыслей, я не в силах был сидеть сложа руки. Я решился отправиться на театр войны и с этой целью предложил редакции “Голоса” быть ее военным корреспондентом»⁴⁸.

Современники относили Градовского к либералам, но отмечали, что ему не свойственны высокомерие и презрительность к военной среде – «военщине»; также, будучи государственным чиновником, он никогда не смотрел на армию как на институт насилия. Именно с таких позиций Григорий Константинович собирался освещать события Русско-турецкой войны 1877–1878 годов.

Четвертое. «Искатели приключений и острых ощущений». К таким корреспондентам с уверенностью можно отнести Н. В. Каирову, единственную русскую женщину-корреспондента на театре боевых действий. Настасья Васильевна оказалась в корреспондентской братии по воле случая. Будучи актрисой театра в Оренбурге, в июле 1875 г. она была арестована и обвинена по статье за по-

кушение на убийство, но была признана судом присяжных невиновной, так как действовала в состоянии временного помрачения сознания, и оправдана. Во время процесса ею заинтересовался видный журналист и издатель А. С. Суворин⁴⁹, в результате чего сразу после завершения судебного процесса, в мае 1876 г., Каирова заняла место секретаря редакции суворинской газеты «Новое время» и отправилась вместе с Алексеем Сергеевичем в качестве военного корреспондента на сербо-турецкую войну. В течение лета 1876 г. репортажи Каировой публиковались в «Новом времени», однако затем Суворин разочаровался в журналистских способностях Каировой и в ней самой и вернулся в Россию, тогда как Настасья Васильевна осталась на Балканах, где ее и застала Русско-турецкая война 1877 года.

По протекции своего мужа, известного русского драматурга Ф. А. Кони, она была принята корреспондентом в газету «Голос», где до 1879 г. публиковала статьи о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., Константинопольской конференции и Берлинском конгрессе. Наиболее важная часть наследия Каировой – ее военные репортажи. Ей принадлежит около 400 корреспонденций, написанных неизменно от мужского лица; известно, что для добывания оперативной информации Настасья Васильевна часто переодевалась мужчиной. О профессиональном самосознании Каировой дает представление следующее ее высказывание: «...что такое “специальный корреспондент” русской газеты ... это несчастнейшее существо в мире, нравственная тряпка, обязанная “ловить момент” и сообразоваться со всем на свете, кроме своего личного убеждения, а подчас и истины. Я не виню за это русские газеты. Может быть, они и сами подчиняются не своей воле, а вынуждены грустным положением своим требовать от корреспондентов не того, что есть, а того, что в данную минуту желают, чтобы было. Но нам, корреспондентам, от этого не легче. Мы-то все-таки поставлены под двойной гнет двойной цензуры и вынуждены говорить, когда хотелось бы молчать, и молчать, когда совесть велит говорить...»⁵⁰. Настасья Васильевна обладала бесспорным литературным талантом и замечательной для женщины энергией. Как корреспондент она исполняла многотрудные обязанности так честно и так талантливо, что не уступала в этом лучшим корреспондентам-мужчинам⁵¹.

России в войне 1877–1878 гг. приходилось не только преодолевать боевое упорство турок, но и вести идеологическую войну, войну на страницах газет и журналов. Турецкая, да и западноевропейская пресса изображала Российскую империю страной варварской, мрачной и дикой, жители которой рисовались «людоедами». Что же касается Османской империи, то она была страной процветающей культуры и демократии. В результате переломить подобные протурецкие настроения в прессе было нелегко. Дело в том,

что Турция старалась подойти к возможной войне с Россией чрезвычайно подготовленной, и не только в смысле военной организации, но и в деле формирования своего общественного мнения.

Уже в январе 1877 г. в Турции была создана специальная комиссия, которая должна была подготовить проект закона о печати. Сама правящая элита Турции, в частности султан Абдул Хамид II, пристально наблюдала за подготовкой законопроекта. Закон о печати представлял собой некий набор ограничений, по сути, утверждение жесточайшей цензуры, «дабы оградить общество от антиправительственных слухов и сплетен»⁵². Из канцелярии султана даже поступило специальное объявление, в котором разъяснялся смысл вводимой цензуры⁵³. Уже после начала войны с Россией, в мае 1877 г., было решено окончательно ограничить и без того несвободную печать Порты: усложнилась процедура открытия типографий, предусматривалось внесение большего по сравнению с предыдущим временем денежного залога лицами, которые ходатайствовали о получении права на выпуск периодических изданий, запрещались любые сатирические или юмористические журналы и газеты, устанавливалось ограничение на публикацию критических материалов. Наконец, закон содержал достаточно внушительный перечень наказаний для корреспондентов или издателей даже за самые незначительные нарушения правил.

Не отставал от прессы и официальный Стамбул. Министр иностранных дел Турции прямо заявил: «Мне тяжело сообщать вам о новых “подвигах” возмутительного варварства, совершенных казаками на Дунае. Два селения, находящиеся в 5 часах езды от Рушчука, были разграблены казаками, которые убили 30 человек мусульманских жителей, не разбирая ни пола, ни возраста. В селении Бин-Пунар они отрезали по пояс юбки у женщин и девушек и изнасиловали в присутствии их родных. Все жители мужского пола взяты в плен. Наконец, в совершение ужаса эти варвары, потерявшие всякое человеческое чувство, отрубили руки у одной женщины и в насмешку положили ее несчастного ребенка в эти окровавленные изуродованные руки...»⁵⁴. На подобные заявления не стоило бы обращать внимания, если бы не позиция Запада. Уже в самом начале войны иностранные средства массовой информации старались изображать Турцию как объект агрессии, а на Россию свалить всю вину за развязывание боевых действий. Например, в газете «Неделя» была помещена заметка «О русских жестокостях» со ссылкой на иностранные источники, где красочно изображались безобразия русских солдат. Там, в частности, отмечалось: «Вся Европа говорит теперь о русских жестокостях. И градом сыплются на нас тягчайшие обвинения, в Пеште созывается митинг в 8000 чел., протестующих против русского способа ведения войны, английские и французские дипломаты в Шумле свиде-

тельствуют факты жестокости, о них идет речь на каждом заседании английского парламента, палате представляются обстоятельные донесения о том же консулов, опровергающих в то же время рассказы о турецких зверствах. Наконец, появляется известное уже заявление двадцати иностранных корреспондентов, которое первоначально телеграф зачем-то истолковал в смысле благоприятном для России и которое, напротив того, оказалось торжественным подтверждением жестокостей, обнаруженных на телах убитых и раненных, осмотренных лично самими корреспондентами. И вот уже зреет мысль о своевременности дипломатического протеста против нашего образа действий, и вмешательство в войну начинает иным казаться честным делом, так как оно положит предел поруганию всего человечества»⁵⁵. Однако уже в ходе самой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. иностранным газетчикам приходилось в корне менять свое отношение к русской армии – слишком уж опасно было писать заведомо ложь⁵⁶.

Необходимо отметить, что практически все иностранные корреспонденты были единодушны в отношении поддержки России в этой войне. И если сравнивать материалы российской и западноевропейской прессы, то непосредственно боевые действия и турецкие солдаты на захваченных территориях изображались приблизительно одинаково. Но такие корреспонденты как Мак-Гахан не только вели репортажи на страницах своей газеты, но и делали попытки критиковать английское правительство за политику так называемых двойных стандартов⁵⁷. Камнем преткновения для русских и иностранных корреспондентов было выяснение причин Русско-турецкой войны и самого Балканского кризиса. В частности, корреспонденты немецких изданий фон Марее (Аугсбургер Цайтунг) и фон Хун (Национал Цайтунг) критиковали Российскую империю за чрезмерную быстроту в деле начала войны, хотя и признавали, что Россия помогает своим братьям по вере⁵⁸. Российские корреспонденты в этом вопросе занимали, безусловно, более жесткую позицию, нежели их западные коллеги.

В результате русским корреспондентам приходилось уже в ходе войны исправлять собственные ошибки, набираясь практического опыта.

Примечания

- 1 См.: Апушкин В. А. Война 1877–1878 гг. в корреспонденции и романе // Военный сборник. 1902. № 7–8, 10–12; 1903. № 1–6.
- 2 URL : http://ru.wikipedia.org/wiki/Апушкин,_Владимир_Александрович (дата обращения : 10.06.2011).
- 3 См.: Яковлев О. А. Военные корреспонденты в русской армии во время русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Вестн. Ленингр. ун-та. 1978. Вып. 2, № 8.
- 4 См.: Болотова Н. В. Московская печать в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. : автореф. ... канд.

- филол. наук. М., 1999; Яковлев В. А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и русское общество : автореф. ... канд. ист. наук. Л., 1980.
- ⁵ См.: Яковлев О. А. Военные корреспонденты... С. 60.
- ⁶ Апушкин В. А. Война 1877–1878 гг. в корреспонденции... 1902. № 7. С. 198–199.
- ⁷ Военная энциклопедия / под ред. В. Ф. Новицкого: в 18 т. СПб., 1911–1915. Т. 13. С. 198.
- ⁸ Там же. С. 198.
- ⁹ См.: Русский Инвалид. 1815. № 31.
- ¹⁰ Военная энциклопедия... С. 199.
- ¹¹ См.: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. М., 1957. Т. 6. С. 639–700.
- ¹² Боборыкин П. Д. За полвека // Голос Минувшего. 1913. № 3.
- ¹³ См.: Берг Н. В. Записки об осаде Севастополя. М., 1858; Он же. Севастопольский альбом Н. Берга. М., 1858.
- ¹⁴ Беляев Н. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956.
- ¹⁵ Русско-турецкая война 1877–1878 гг. / под ред. И. И. Ростунова. М., 1977.
- ¹⁶ Золотарев В. А. Некоторые проблемы отечественной историографии Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Л., 1976; Он же. Отражение войны 1877–1878 гг. в русской военной литературе // Военно-исторический журнал. Budapest. 1981. № 3; Он же. Россия и Турция. Война 1877–1878 гг. (Основные проблемы в отечественном источниковедении и историографии). М., 1983; Он же. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в отечественной историографии конца XIX – начала XX в. М., 1978; Он же. Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. Апофеоз восточного кризиса. М., 2005.
- ¹⁷ Яковлев О. А. Военные корреспонденты... С. 61.
- ¹⁸ Газенкамф М. А. Мой дневник. СПб., 1908. С. 5; Яковлев О. А. Военные корреспонденты... С. 61.
- ¹⁹ «Общественное мнение в настоящее время – такая сила, с которой нельзя не считаться, газетные же корреспонденты влиятельнейших органов печати суть могущественные двигатели и даже создатели этого мнения, лучше стараться расположить корреспондентов в свою пользу, не ставя им таких требований, которым не согласятся подчиниться именно самые влиятельные и талантливые» (Газенкамф М. А. Мой дневник... С. 6.)
- ²⁰ В штаб Действующей армии в 1876 г. стали поступать официальные прошения о присутствии иностранных газетчиков в русской армии. Причем за каждого такого представителя просили весьма влиятельные лица, близкие к русскому императорскому двору. Русский посол в Вене просил за корреспондента венской газеты «Neues Wiener Tagblatt»; бывший посол в Константинополе генерал-адъютант Н. П. Игнатьев за корреспондентов французской газеты «Figaro» (де-Вестина) и американской «New-York-Herald» (Мак-Гахана); бывший поверенный в делах А. И. Нелидов – за корреспондента «Kölnische Zeitung» доктора Шнейдера; генерал-майор Вердер – за корреспондента прусской военной газеты «Militär-Wochenblatt» капитана Дангауера (Апушкин В. А. Война 1877–1878 гг. в корреспонденции... 1902. № 7. С. 198–199.)
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 199–200. Иностранцы корреспонденты не остались безучастны к подобным ограничениям и комментировали эти нововведения на страницах своих газет. В частности, на страницах газеты «Daily News» указывалось: «Список этот (имеется в виду список корреспондентов. – С. К.), однако, не считается утвержденным раз и навсегда, и, вероятно, всякий порядочный человек, заручившийся надлежащей рекомендацией и состоящий представителем одной из газет, пользующийся некоторым значением и известностью, имеет шансы быть допущенным. При составлении списка руководствовались, главным образом, беспристрастием, и всякому корреспонденту, являющемуся за справками, военное начальство не преминет сообщить, что не делает никакого различия между газетами, имеющими обыкновение отзываться враждебно об образе действий России, и теми, отзывы коих ей благоприятны. Когда права корреспондента на признание его таковым утверждены, возникает вопрос об удостоверении его личности. Для этого дозволение пишется на обратной стороне фотографической карточки корреспондента с приложением печати главной квартиры; дубликат фотографии представляется в канцелярию оной, где его вкладывают в книгу, предназначенную для справок и проч. Выдается дозволение на следующих условиях... Они (корреспонденты. – С. К.) могут, кажется, бранить Россию и русские сколько угодно, если это им вздумается, но не должны разглашать, что намереваются сделать русские военачальники. Писем не будут ни задерживать, ни вскрывать, но каждого корреспондента будут судить по его собственным статьям» (Хроника войны. Свод корреспонденций английской газеты «Daily News» : в 2 т. СПб., 1878. Т. 1. С. 154–155).
- ²³ Там же.
- ²⁴ В своих корреспондентских материалах Мак-Гахан писал: «Так как с корреспондентов, сопровождающих армию, берут честное слово, что они ничего не будут говорить о числе и передвижении войск, равно как и о предполагаемом плане действий, пока последние не перейдут в совершившиеся факты, я не могу сообщить вам чего-либо о месте расположения различных корпусов и скажу только, что большая часть их находится в Румынии» (Хроника войны. Свод корреспонденций английской газеты «Daily News». Т. 1. С. 114).
- ²⁵ Н. В. Максимов в своей книге приводит любопытный диалог о высылке одного из корреспондентов газеты «Daily Telegraph»:
- А вы, милостивый государь, корреспондент какой газеты?
– Лондонского издания «Daily Telegraph»...
- Н-да? Ну, просим извинить; это самая враждебная к нам газета...
- В таком случае я буду писать из Бухареста... буду врать...
- Откуда хотите, только не из армии (Максимов Н. В. Две войны 1876–1878 гг. Воспоминания и рассказы из событий последних войн : в 2 ч. СПб., 1879. Ч. 1. С. 234)
- ²⁶ Цит. по: Крестовский В. Двадцать месяцев в действующей армии (1877–1878) : в 2 т. СПб., 1879. Т. 1. С. 16.
- ²⁷ Немирович-Данченко В. И. Год войны. СПб., 1879. С. 128.

- ²⁸ Цит. по: *Апушкин В. А. Г. К. Градовский, гласность и война // Публицист и гражданин. Литературный сборник, посвященный памяти Г. К. Градовского. Пг., 1916. С. 95–96.*
- ²⁹ Корреспондент отмечал: «Вопрос о допущении корреспондентов в армию был одним из вопросов пущей важности, возникших при самом начале войны. Война застала нас в эпоху таких условий жизни, когда решение этого вопроса в отрицательном смысле могло только вызвать горькое для нас и постыдное глумление всей Европы. Я говорю: именно Европы, потому что русский человек легко мог бы примириться и на одних официальных донесениях. ... Во всяком случае печать должна пользоваться свободой слова». (*Максимов Н. В. Две войны... Ч. 1. С. 320–321.*)
- ³⁰ Война в Турции. Письма нашего корреспондента // *Нива. 1877. № 22. С. 358.* Корреспондент Н. Карзин, в частности, отмечал: «И вот настала война. Это было уже свое общее, кровное, народное дело... Не только исходя из нее, но и самый ход этого родного дела возбуждал громадный, всеобщий интерес... Все знали, что есть могучее средство такого знания – *печать...*» (*Война в Турции... С. 358.*)
- ³¹ *Яковлев О. А. Военные корреспонденты... С. 61.*
- ³² *Максимов Н. В. Указ. соч. С. 328.*
- ³³ *Немирович-Данченко В. И. Указ. соч. ; Максимов Н. В. Указ. соч. С. 328 ; Крестовский В. Указ. соч.*
- ³⁴ В числе корреспондентов были А. С. Суворин – «Новое время»; В. П. Буренин – «Новое время»; М. П. Федоров – «Новое время», «Петербургские ведомости», «Всемирная иллюстрация»; Н. Н. Карзин – «Новое время», «Нива»; А. Д. Иванов – «Новое время»; Н. В. Россоловский – «Новое время»; Мак-Гахан – «Голос»; А. В. Щербак – «Голос»; Е. Я. Утин – «Вестник Европы»; Н. В. Максимов – «Биржевые ведомости», «Петербургские ведомости»; Е. К. Рапп – «Русский мир»; Л. В. Шаховской – «Московский ведомости»; Д. К. Гирс – «Северный вестник»; В. И. Немирович-Данченко – «Наш век», «Новое время» ; Модзалевский – «Санкт-Петербургские Ведомости»; Комаров – «Санкт-Петербургские Ведомости»; Д. И. Иловайский – «Московские Ведомости»; Н. Карирова – «Новое время», «Дело»; Маслов – «Новое Время»; Федоров – «Русские Ведомости», «Всемирная Иллюстрация»; Сакальский – «Голос»; Стэнли – «Голос»; Георгиевич – «Русский Мир»; Мец – «Московские ведомости»; Байков – «Северный Вестник»; Сухотин – «Русский Инвалид»; Теохаров – «Русские Ведомости»; Г. К. Градовский – «Голос»; Е. М. Кочетов-Львов – «Московские Ведомости»; Н. Я. Ноколадзе – «Тифлисский Вестник»; В. В. Крестовский – «Правительственный Вестник»; А. К. Пузыревский – «Русский Инвалид»; Н. В. Каульбарс – «Русский Инвалид»; А. Н. Куропаткин – «Русский Инвалид»; Н. Е. Бранденбург – «Русский Инвалид»; А. Н. Маслов (Бежецкий) – «Новое Время».
- ³⁵ *Апушкин В. А. Война 1877–1878 гг. в корреспонденции... 1902. № 7. С. 202–203.*
- ³⁶ См.: *Летучий военный листок. 1877–1878.*
- ³⁷ См.: *Шаховской Л. В. С театра войны (1877–1878). Два похода за Балканы. М., 1878.*
- ³⁸ *Золотарев В. А. Противоборство империй... С. 197.*
- ³⁹ *Воллан Г. А. де Очерки прошлого // Русская старина. 1916. Т. 165, № 3. С. 516–517.*
- ⁴⁰ В газете «Новое время» такая отповедь давалась русским корреспондентам: «Русский корреспондент на театре войны – явление совсем новое. Сравнивая эти корреспонденции с иностранными, видишь, как много не достает русскому корреспонденту. Последний иногда талантливее, бойчее, но у него не хватает той политической подготовки, которая есть у каждого иностранного корреспондента. Наш брат русский литератор примечает, как правило, весьма маленькие события будничной жизни. Иногда он представляет прекрасную картину, сделал несколько метких штрихов, выразил меткое замечание о какой-нибудь мелочи, но он постоянно остается на уровне той обстановки, в которую попал, мало над нею возвышаясь. Вследствие этого бытовая сторона постоянно выигрывает в русских корреспонденциях, по ним вы можете представить походную жизнь, можете знать много мелочей, постоянных спутников лагерной и боевой жизни, но от вас ускользает общий смысл событий» (*Новое время. 1877. № 481. С. 1.*)
- ⁴¹ *Мецкерский В. П. Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 3.*
- ⁴² *Максимов Н. В. Указ. соч. С. 335.*
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ *Новое время. 1877. № 481. С. 1.*
- ⁴⁵ *Куропаткин А. Н. С поля сражений // Сборник военных рассказов. Составленные офицерами-участниками войны 1877–1878 гг. : в 5 т. СПб., 1879. Т. II. С. 216.*
- ⁴⁶ Например, корреспондент Максимов писал: «Наконец, меня обрадовали известием, что корреспондентов допустят. – А цензура будет? – спрашиваю. – Помилуйте, какая цензура! Раз допуская вас в армию, мы не только не намерены подчинять вас нашей цензуре, но готовы вам, как русскому корреспонденту, делать всевозможные предпочтения перед иностранцами. Я так и понял это буквально, понял и обрадовался. В самом деле, к чему цензура по отношению к нам – русским корреспондентам?» (*Максимов Н. В. Указ. соч. С. 335–336.*) В. Крестовский также отмечал: «Свобода корреспондентов в передвижении с места на место не будет стесняема...» (*Крестовский В. Двадцать месяцев... С. 170.*)
- ⁴⁷ И это несмотря на то, что «Временные правила» о цензуре от 6 апреля 1865 г., которые несколько смягчали знаменитый николаевский «Чугунный устав», отменяли предварительную цензуру для изданий общим объемом в 10 печатных страниц и периодических изданий в Петербурге и Москве.
- ⁴⁸ *Апушкин В. А. Г. К. Градовский, гласность... С. 97.*
- ⁴⁹ Чем же покорила воображение Алексея Сергеевича Суворина Настасья Каирова? Маловероятно, что внешнею, особенно если взглянуть на нее глазами петербургского репортера. Вот выдержка из судебной хроники: «На скамье подсудимых явилась женщина, среднего роста, смугловатая, с крупными и даже грубыми чертами лица, уже не первой молодости. Длинное, бледного цвета лицо с широкими скулами; грудь почти впалая» (*Голос. 1876. 29 апреля.*); Далее из судебной хроники: «Она женщина, обладающая в высшей сте-

пени сильным характером и необычайной энергией. Достаточно вспомнить, с каким самоотвержением и с какой энергией выручает она Великанова в Оренбурге: она выхлопывает ему субсидию в земстве, освобождает из-под ареста, увозит от всегда бдительных кредиторов, увозит из-под глаз его жены в Петербург, делает все возможное, чтобы позировать его деятельность; отучает его от худых привычек, меняет даже внешний вид этого человека и при всем этом увлекается им до последней крайности» (Голос. 1876. 2 мая).

- ⁵⁰ URL : <http://ru.wikipedia.org/wiki/Каирова> (дата обращения : 10.06.2011).
- ⁵¹ Каирова А. В. Воспоминания газетного корреспондента о Болгарии // Колосья. 1888. № 3. С. 302.
- ⁵² Желтяков А. Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729–1908). М., 1972. С. 170.
- ⁵³ В частности, говорилось, что народу надлежало обращаться с жалобами к депутатам меджлиса, а не в газеты, журналисты же предупреждались, что «за применение слов против действий правительства» они будут привлекаться к строгой ответственности (Желтяков А. Д. Указ. соч. С. 171).
- ⁵⁴ Правительственный вестник. 1877. № 151. С. 3.
- ⁵⁵ Неделя. 1877. № 30. С. 984.
- ⁵⁶ В газете «Daily Telegraph» от 4 июля 1877 г. была помещена статья «Поведение русских войск в Румынии»,

в которой отмечалось: «Нельзя достаточно хвалить поведение русских войск в Румынии; до сих пор их нельзя упрекнуть ни в одном предосудительном поступке. Они исполнены вежливости и предупредительности со всеми. Как отдельные лица, так и учреждения платят за все наличными деньгами» (цит. по.: Анекдотические истории текущей войны. СПб., 1877. С. 8). Бухарестский корреспондент газеты «Temps» описывает в самых сочувственных выражениях прекрасное состояние и отличный дух русской армии: «... она (русская армия. – С. К.) превзошла самые смелые ожидания ... прекрасные отношения русских солдат и офицеров к населению Румынии» (Северный Вестник. 1877. № 8. С. 1).

- ⁵⁷ В частности, английские официальные лица лорд Дерби и сэр Генри Элиот отмечали, что именно болгары «подали туркам пример в деле злодейств и ужасов», значит, «обе стороны одинаково виноваты». (Мак-Гахан Я.-А. Зверства в Болгарии. СПб., 1877. С. 125). Сам корреспондент стоял на самых прогрессивных позициях, утверждая: «Если б кто-нибудь попытался в Англии ввести здешнюю систему налогов, то весь народ, как один человек, восстал бы против правительства. Зачем же осуждать бедных болгар за это...» (цит. по: Шипка и Плевна – слава русского оружия. М., 2003. С. 15).
- ⁵⁸ Репортажи за освободительную войну 1877–1878 / под ред. Л. Генова. София, 1978. С. 9–10.

УДК 378.1-054.6

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УНИВЕРСИТЕТА ДЛЯ КИТАЙСКИХ ТРУДЯЩИХСЯ В МОСКВЕ (1925–1930 годы)

Е. В. Панин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
E-mail: ehonko@mail.ru

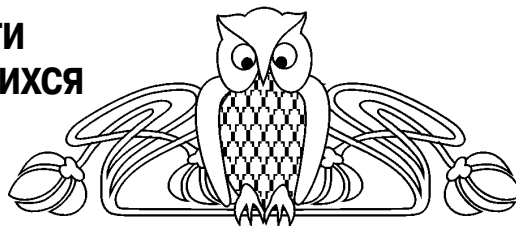
В статье рассматривается история создания и деятельности, а также отличительные черты Университета для трудящихся Китая, существовавшего в Москве в 1925–1930 годы. Анализируется политический, социальный, образовательный, возрастной состав его студенчества. Привлечен широкий круг источников, некоторые архивные материалы вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Советская Россия, интернациональные связи, Коммунистическая партия Китая, Гоминдан, Университет трудящихся Китая.

From the History of Creation and Activity of the University of the Chinese Workers in Moscow (1925–1930)

E. V. Panin

The article is devoted to the history of creation and activity, and also distinctive features of the University for Workers of China, existing in Moscow in 1925–1930. The political, social, educational, age structure of its students is analyzed. The wide range of the sources is involved, some archival materials are introduced in a scientific turn for the first time.

Key words: Soviet Russia, international communications, Communist party of China, Gomindan, University for Workers of China.

С самого начала революционных преобразований в Советской России руководство страны особое внимание уделяло вопросам развития национального образования, распространения своей идеологии в других странах, укрепления интернациональных связей.

Для этой цели уже в самые первые годы советской власти были созданы учебные заведения особого типа – коммунистические университеты для национальных меньшинств. Наиболее известные из них – Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ) и Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). Это были интернациональные вузы, входившие в систему советско-партийного просвещения, где обучались представители разных национальностей не только из СССР, но и